

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ: ВОСПОМИНАНИЯ

Борко Юрий Антонович

Центра документации ЕС Института Европы РАН,

Москва, Россия

yborko@mail.ru

Аннотация. Воспоминания Юрия Антоновича Борко, выдающегося российского европеиста, основателя и почетного президента Ассоциации европейских исследований в России (АЕВИС), посвящены Михаилу Сергеевичу Горбачеву и его времени. Автор вспоминает, какое впечатление на него и его окружение оказала личность молодого реформатора и его первые шаги в должности Генерального секретаря ЦК КПСС. Отмечая сложное отношение современного российского общества к М.С. Горбачеву, автор отдает дань уважения ему, отзываясь о нем как о выдающемся политическом деятеле. Юрий Антонович Борко вспоминает, что ученые, исследователи были благодарны М.С. Горбачеву за предоставленную свободу слова. Пропала надобность излагать свои мысли так, чтобы цензор не придрался, но и проницательный читатель понял подтекст. Благодаря деятельности Михаила Сергеевича изменились международные связи советских ученых. По воспоминаниям Ю.А. Борко, контакты советских ученых с западными коллегами имели в этот период характер систематического научного сотрудничества. Значительное место в воспоминаниях отведено истории предвыборной кампании в Съезд народных депутатов, в которой деятельную роль играл Ю.А. Борко, а некоторые его друзья и коллеги были избраны и стали народными депутатами.

Ключевые слова: Юрий Борко, СССР, Михаил Сергеевич Горбачев, перестройка, гласность, новое политическое мышление, свобода, демократизация.

Цитирование: Борко Ю.А. Михаил Сергеевич Горбачев: воспоминания // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 300–316. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-300-316 / Borko Yu.A. Mikhail Gorbachev: Memories, in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No. 4. Pp. 300–316. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-300-316.

© Борко Ю.А., 2021

MIKHAIL GORBACHEV: MEMORIES

Borko Yuri A.

Center for Documentation of the EU Institute of Europe RAS,
Moscow, Russia
yborko@mail.ru

Abstract. The memoirs of Yuri Antonovich Borko, an outstanding Russian Europeanist, founder, and honorary president of the Association for European Studies in Russia (AEVIS), are dedicated to Mikhail Sergeevich Gorbachev and his time. The author recalls the impressions and entourage of the young reformer and his first steps as the General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. Noting the complex attitude of modern Russian society towards M.S. Gorbachev, the author pays tribute, regarding him as an outstanding political figure. Yuri Antonovich Borko recalls that scientists and researchers were grateful to M.S. Gorbachev for the freedom of speech. There was no longer the need to express your thoughts in such a way so that discerning reader would understand the implications, but the censor would not. Thanks to the activities of Mikhail Gorbachev, the international relations of Soviet scientists and researchers improved. According to the memoirs of Yu.A. Borko, there were systematic scientific cooperation between Soviet researchers and Western colleagues during this period. A significant place in the memoirs is devoted to the history of the election campaign to the Congress of People's Deputies of the Soviet Union, in which Yu.A. Borko and some of his friends and colleagues were elected and became people's deputies.

Keywords: Yuri Borko, USSR, Mikhail Gorbachev, perestroika, glasnost, new political thinking, freedom, democratization.

3 марта 2021 г. Михаилу Сергеевичу Горбачеву исполнилось 90 лет. Он встретил свой юбилей с друзьями. А в преддверии этой даты на телеэкраны, в СМИ и Интернет выплеснулась вся разногласица насчет его благодеяний стране или вреда, который он ей нанес. А я решил поделиться своими воспоминаниями о годах правления Горбачева, как я их воспринимал и реагировал, как жил и что делал, дополняя мой рассказ, когда это было уместно, экскурсами в историю. Повторяю: это мои личные воспоминания.

На расстоянии и вблизи — это два разных Горбачева. Два разных по времени и по своему положению. Первый был в поле моего зрения, а затем и центре внимания, с начала 1970-х гг. по 25 декабря 1991 г., когда он сложил с себя полномочия первого и единственного Президента распавшегося СССР. Весь мир в тот день обошел фотоснимок спускаемого красного флага. Я воспринимал Горбачева на расстоянии, а лично познакомился с ним после того, как он учредил в декабре 1991 г. «Горбачев-Фонд». Я был участником его конференций с 1992 г., но в последний раз, насколько помню, в 2007 г. Я приблизился к 80-летию, и сил изрядно поубавилось.

Впервые я запомнил ф.и.о. «Михаил Сергеевич Горбачев» в 1971 г., когда он был избран в состав Центрального комитета КПСС. Я был научным сотрудником одного из институтов АН СССР, членом КПСС и внимательно следил за изменениями в руководстве правящей партии. В 1971 г. обратил внимание, что членом ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев. Заметил и приятно удивился тому, что было ему всего 40 лет. Еще больше удивился, когда в 47 лет он был избран секретарем ЦК КПСС, а в 49 — членом Политбюро ЦК КПСС, высшего и всевластного органа в стране, который в ту пору следовало бы именовать ареопагом, сборищем старцев, возраст которых находился в диапазоне 60–70 лет. Лобызались на экранах ТВ и вручали друг другу звезды Героев Социалистического Труда.

М.С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС 11 марта 1985 г. и сложил с себя полномочия Президента распавшегося Советского Союза 25 декабря 1991 г., то есть руководил страной менее семи лет. Этого времени ему хватило, чтобы повернуть ход истории нашей страны и в немалой мере поспособствовать крутым переменам в развитии мировой истории. Этим и определяется масштаб его личности.

Самое краткое определение М.С. Горбачева как главы государства — Реформатор. Выдающийся российский политический деятель и тоже реформатор Егор Гайдар в своей книге «Дни поражений и побед»¹ поставил Горбачева в один ряд со Сперанским, Витте и Столыпиным, не преминув напомнить о превратностях их судьбы. Ему удалось осуществить далеко не все, что он замыслил, и споры о балансе сделанного им и не осуществленного идут по сей день.

---

¹ Автор имеет в виду мемуары Егора Тимуровича Гайдара, российского политического и государственного деятеля, премьер-министра России в 1992 г., проводившего либерализацию российской экономики. Е.Т. Гайдар написал книгу «Дни поражений и побед» в 1996 г., свет она увидела уже в следующем году.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ГОРБАЧЕВА

Курс внутренней политики М.С. Горбачева после его избрания главой правящей партии, а значит и государства, определялся двумя его девизами – Перестройка и Гласность. Они появились с лагом примерно в полтора года. Объявив в 1985 г. целью Перестройки проведение ряда глубоких экономических и социальных реформ, Горбачев вскоре пришел к выводу, что она провалится, если не будет подкреплена реформой политической системы и созданием общественного климата, способствующими успеху перестройки. Эти новые задачи своей внутренней политики Горбачев обозначил в 1987 г. новым понятием Гласность.

Перемены, которые принесла с собой Гласность, были подобны потоку свежего воздуха, ворвавшегося через распахнутое окно и вмиг выдувшего затхлую атмосферу замкнутой комнаты. Фактически была снята политическая цензура на произведения литературы, прессу, кинематограф и театр. Общество ждало перемен и наблюдало их. В СССР стали вновь публиковать Н.А. Бердяева и И.С. Шмелева, свет увидел роман А.Н. Рыбакова и воспоминания белого офицера А.И. Деникина¹.

На советскую интеллигенцию сильное впечатление произвел звонок Горбачева в Нижний Новгород (тогда г. Горький), куда в 1980 г. был отправлен фактически под домашний арест академик Андрей Дмитриевич Сахаров, лишенный звания трижды Героя Социалистического Труда. К моменту преследования со стороны властей он уже стал одним из лидеров правозащитного движения в стране и выступил в 1979 г. с резкой критикой ввода советских войск в Афганистан. Горбачев позвонил Сахарову в декабре 1986 г. После этого разговора Андрею Дмитриевичу были возвращены все награды, и вскоре он вернулся с Москву.

Позже в своих воспоминаниях Горбачев рассказывал: «Когда мне доложили, что можно звонить, я позвонил: “Андрей Дмитриевич, здравствуйте. Я хочу Вам сказать, что Вы можете возвращаться в Москву и заняться своей работой ... и в академии, и так далее”. А он с ходу: “Надо высвободить всех узников свободы”». Я проинформировал своих коллег и сказал: “Внесите предложения о политических заключенных”»². В 1987 г. из тюрем и лагерей вышли около 300 человек, осужденных по статьям «Антисоветская агитация и пропаганда» (ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.), «Участие в антисоветской организации» (ст. 72) и «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190-1). Все незаконченные дела по политическим статьям были прекращены.

---

¹ Речь идет о публикации романа А.Н. Рыбакова «Дети Арбата» и воспоминаний А.И. Деникина «Очерки русской смуты».

² См. полный текст интервью М.С. Горбачева «Не поддается правке. Михаил Сергеевич Горбачев комментирует интервью Андрея Дмитриевича Сахарова времен съезда народных депутатов» Новой газете 16 мая 2005 г. https://web.archive.org/web/20140904171120mp_/http://www.novayagazeta.ru/society/27449.html.

Мне и моим ближайшим друзьям, окончившим, как и я, в начале 1950-х гг. исторический факультет МГУ, а также экономический и философский факультеты, было уже за 50. Кандидаты и доктора наук, работавшие в институтах АН СССР, в МГУ и Московском государственном институте международных отношений МИД СССР. Позади уже был значительный опыт жизни и работы в советские времена. Мы с удивлением, а потом — со все большим одобрением наблюдали за деятельностью Горбачева. Импонировала и его манера поведения. Никаких проносящихся с бешеной скоростью кавалькад машин, и в середине огромная «Чайка». Не помню, сопровождала ли его машина с охраной, но знаю и однажды видел, как его машина остановилась, и он вышел побеседовать с небольшой группой людей. Вместе с ним вышла и его жена Раиса Максимовна. И это тоже было ново. Впервые глава государства стал систематически появляться на публичных мероприятиях и в поездках по стране вместе с супругой, которая, как и он, окончила юридический факультет МГУ. Она не просто сопровождала его, а весьма активно участвовала в обсуждении каких-то дел или проблем.

Но в профессиональном плане больше всего мы были благодарны Горбачеву за предоставленную нам свободу слова. Пропала надобность в той изощренной манере излагать свои мысли так, что и цензор не придерется, и проницательный читатель поймет подтекст. Известный политолог и мудрый человек Александр Абрамович Галкин, который возглавлял один из отделов в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), называл эту манеру изложения «язык Эзопа». В научных и общественно-политических журналах стали появляться статьи, публикация которых еще недавно была невозможна.

В июне 1987 г. в журнале «Новый мир» была опубликована статья одного из ведущих советских экономистов Николая Шмелева «Авансы и долги», которая вызвала бурные дебаты в стране и большой резонанс за рубежом. Это была откровенная, очень жесткая характеристика состояния советской экономики и государственной системы управления ею. «Коренной порок нынешней структуры хозяйственного управления, — утверждал Шмелев, — полная безответственность высших этажей пирамиды»¹.

Статью прочли миллионы людей, воспринявших ее как откровение. Однако упоминание о ней в средствах массовой информации исчезло через пару-тройку дней. Наступило лето, время отпусков, и тема «Авансов и долгов» вновь зазвучала лишь в октябрьском номере «Нового мира», где были опубликованы два посвященных им письма в редакцию. Одно — очень короткое и восхищенное — подписала С. Бобкова, по ее словам, «рядовой советский человек»; второе — А. Соловьев, профессор кафедры политэкономии Костромского технологического института. Он объявил Шмелева сторонником замены социализма рыночным мелкотоварным и мелкокапиталистическим производством, а статью обозвал «демагогией на грани

---

¹ Автор использует цитату из статьи «Жизнь как поиск здравого смысла», посвященной памяти академика Николая Петровича Шмелева (Современная Европа. 2014 г. № 2. С. 13).

приличия». Я написал злой двухстраничный ответ профессору и отправился с ним в редакцию журнала. Сотрудник отдела писем, мужчина лет сорока, прочел его и сказал, что текст хороший, но из ЦК КПСС уже давно поступило распоряжение выбрать два письма с противоположной направленностью, опубликовать их (что они и сделали) и закрыть эту тему.

Я все эти месяцы ни разу не виделся с Николаем Шмелевым, хотя мы были друзьями. Мы познакомились в декабре 1969 г., когда в здании ИМЭМО временно поселился только что созданный Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), в котором работал молодой, 33 года, д.э.н. Николай Петрович Шмелев. ИЭМСС занимал помещения, расположенные в левой части коридора на третьем этаже, проходившего через все здание от окна до окна, а редакция журнала «МЭИМО», в которой работал я, — в правой части. Наше знакомство было неминуемо. К тому же мы были заядлыми курильщиками и часто стояли у одного из окон, дымили и обсуждали злободневные темы. В общем, быстро возникшая взаимная симпатия, а также некоторые другие обстоятельства привели к тому, что мы стали друзьями.

Итак, я давно не виделся с Николаем, но, прочитав его статью в октябрьском номере «Нового мира», позвонил ему и договорился о встрече. Когда я рассказал ему о визите в редакцию журнала, он ответил, что все могло быть гораздо хуже. Вскоре после появления «Авансов и долгов» в отделе пропаганды ЦК КПСС была подготовлена разгромная статья, и публиковать ее было решено в главном печатном органе партии — газете «Правда». Остановил эту затею Горбачев, которому, по его просьбе, Шмелев не раз направлял аналитические записки, посвященные задачам экономической реформы. Идеологическим «церберам» из ЦК КПСС пришлось отказаться от лобовой атаки на Шмелева, ограничившись отлучением автора от прессы.

Я тоже опубликовал в 1987–1988 гг. несколько статей, написанных без оглядки на руководство и идеологические каноны КПСС. Не буду их перечислять, но одну упомяну: «О механизмах саморазвития капитализма» («Коммунист», 1988, № 15). Проанализировав обусловленное самим ходом развития мировой истории соотношение двух общественных формаций, капитализма и социализма советского образца, закончившееся безоговорочной победой капитализма, я — неожиданно для себя — пришел к выводу, что коренной причиной такого исхода было наличие внутреннего двигателя, механизма саморазвития у капитализма и отсутствие такового — у социализма. Это механизм, благодаря которому общественная система периодически трансформируется, адаптируясь к изменяющимся условиям (экологическим, технологическим и т.д.). Как выяснилось, социализм на это не способен. Он оказался не более, а менее развитой стадией мировой цивилизации. Карл Маркс ошибся в самом главном — общей концепции развития и смены общественных формаций. Надо сказать, что мой вывод о том, что социализм в самой своей основе оказался менее совершенной формацией, чем капитализм, оказался неожиданным для многих ученых-обществоведов. Меня приглашали в академические институты — ИМЭМО, ИЭМСС, институты Африки, Латинской Америки. Кого-то

я убеждал, кто-то со мной не соглашался. Но вскоре дискуссии прекратились. Нам было не до них, в конце 1980-х гг. нас захлестнули бурные события.

Здесь я прервусь в воспоминаниях об этих событиях и расскажу о том, как изменились международные связи советских ученых и какое участие в них принимал я. Связи стали меняться в лучшую сторону уже в 1986 г., и заслуга в этом принадлежала Горбачеву. Изменилась не только интенсивность, но и характер контактов советских ученых с западными коллегами — уже не разовые встречи, а систематическое научное сотрудничество. Интерес и инициативы были взаимными. Европейские и советские научные центры разрабатывали программы совместных исследований, завершающихся конференциями и публикацией докладов. Начался систематический обмен научной литературой. Завязались индивидуальные связи между учеными с идентичной или близкой специализацией. В 1988–1989 гг. это стало уже обыденностью.

Я в 1980-е гг. работал в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР), заведовал отделом Западной Европы и США. Наш институт также установил связи с некоторыми западными центрами. В один из осенних дней 1987 г., покончив с делами в институте, я спустился вниз, взял в раздевалке плащ, но, не успев надеть его, почувствовал, что в мою спину уперлись два ствола. Я повернулся, рядом никого, но в трех метрах от меня стоит и улыбается мой ближайший друг, которого я не видел 20 лет. С воплем «Мишка!!!» я ринулся к нему, и мы обнялись. Это был Михал Рейман¹, чех, пражанин, который вместе со мной учился на историческом факультете МГУ и окончил его, как и я, в 1953 г. На мой вопрос, как он здесь очутился, Михал сказал, что работает в Свободном университете Западного Берлина, заключившем с ИНИОН соглашение о сотрудничестве, и приехал с группой немецких студентов, которые специализируются на изучении истории России и Советского Союза. Было понятно, что мы не можем не встретиться, и — о чудо! — оказалось, что немцев поселили в гостинице «Молодежная», расположенной в двухстах метрах от моего дома. Мы встретились в тот же вечер и просидели у меня дома далеко за полночь. Перед его отъездом просидели еще одну ночь и расстались.

Жизнь Михала была необычна. Начать с того, что он родился в Москве, где его отец, чешский коммунист, на рубеже 1920–1930-х работал в аппарате Коминтерна (III Коммунистический интернационал) и женился на русской женщине Ольге Михайловне, которая в 1930 г. подарила ему сына. Через несколько лет они уехали в Прагу, но вскоре вернулись в Москву, потому что в 1938–1939 гг. над Чехословакией нависла угроза нацистской агрессии. Окончив в Москве школу и истфак МГУ, Михал уехал в Прагу вместе с женой Тамарой, уроженкой Ярославля и его однокурсницей. Работал там в Институте истории, занимаясь одновременно изучением новейшей истории Чехословакии и историей России/Советского Союза с начала

---

¹ Михал Рейман (род. 1930 г.) — известный чешский и немецкий историк, изучавший политическую историю СССР. Автор нескольких монографий, посвященных Сталину и сталинизму.

1900-х гг. А в 1967 г. Михал Рейман, человек в стране уже известный и авторитетный, активно поддержал новое руководство чехословацкой компартии во главе с Александром Дубчеком, решившее преобразовать в стране социализм советского образца в социализм с «человеческим лицом». Но в Москве эту затею сочли «подрывающей устои», и 21 августа 1968 г. советские танки раздавили молодые побеги «Пражской весны». Тысячи чешских коммунистов были исключены из партии, изгнаны с работы, в том числе и Михал Рейман. Он вместе с семьей переехал в Германию и, в конечном счете, обосновался в Западном Берлине, поступив на работу в Свободный университет. За последние полтора десятка лет он неоднократно пытался получить в советском консульстве в Германии визу на посещение Советского Союза, но каждый раз получал отказ. Наши «органы» знали о позиции Реймана в 1967–1968 гг. Кстати, именно поэтому, памятуя об отказах, Михал поехал с группой немецких студентов как «сопровождающий» преподаватель, вместо него руководителем назначили его коллегу, работавшую, как и он, в Свободном университете Западного Берлина.

В 1988 г. я совершил уникальную тогда для советского гражданина поездку – в Западный Берлин. Приглашение мне прислал тот самый Свободный университет, в котором работал Михал Рейман. Получив его, я грустно улыбнулся. А почему грустно, без экскурсии в историю не обойтись. Согласно решениям Потсдамской конференции 1945 г., Берлин был разделен на четыре зоны, в которых расположились соответственно американские, британские, французские и советские войска. Но в 1980-х гг. все уже было по-другому: Восточная (советская) зона именовалась Берлином – столицей Германской Демократической Республики (ГДР), а остальные три объединены в самоуправляемую административную территорию с собственными органами и правилами. Международно-правового статуса она не имела, а в обиходе именовалась Западным Берлином. Что касается его внешних связей и защиты интересов, то они были доверены Федеративной Республике Германии (ФРГ), в том числе и оформление виз на въезд в Западный Берлин, которые оформлялись в консульствах ФРГ, том числе московском консульстве. Однако советским гражданам, если они получали приглашение в Западный Берлин, обращаться в консульство ФРГ было категорически запрещено. Так что, получив приглашение Свободного университета, я с грустным настроением пришел в Отдел внешних сношений Президиума Академии наук СССР, показал приглашение и посоветовал, что обращаться за визой в консульство ФРГ нельзя. «Почему нельзя? – Ответил мне сотрудник, к которому я обратился. – Вчера было нельзя, а сегодня можно. Идете за визой».

Оформление документов и сборы много времени не заняли, и вот уже самолет приземляется на аэродроме, расположенном почти в центре Западного Берлина. Было это в разгар лета – июль или август 1988 г. У меня сохранился снимок – мы с Мишей в легких рубашках. Я тогда спросил его, почему он и Тамара не выбрались куда-нибудь в пригород. Миша взорвался: «Ты что, в своем уме? Вокруг территория ГДР, и хода нам туда нет». А в Западном Берлине мой приезд был воспринят как праздник: я был первым советским гражданином, появившемся здесь за очень

долгие годы. Городской магистрат устроил прием, социал-демократическая фракция городского собрания пригласила выступить с докладом о внутренней и внешней политике Горбачева, несколько раз я выступал перед сотрудниками Института истории и других подразделений Свободного университета. Западноберлинское объединение предпринимателей устроило обед, начавшийся легкой закуской с напитками, потом я более часа отвечал на их вопросы, среди которых немалое место занимали экономические темы – о состоянии советской экономики и возможностях развития взаимной торговли Советского Союза и Западного Берлина.

На этом я закончу тему международных научных и сопутствующих им связей советских ученых и вернусь в главное русло повествования. Михаил Горбачев продолжал свою реформаторскую деятельность. Важным ее этапом стала XIX конференции КПСС в июне–июле 1988 г. Она приняла пять резолюций: «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О борьбе с бюрократизмом», «О межнациональных отношениях», «О гласности» и «О правовой реформе». В соответствии с ними 1 декабря 1988 г. был принят Закон «О выборах народных депутатов СССР» и внесены изменения в Конституцию СССР. Был создан новый законодательный орган СССР – не Верховный Совет, как прежде, а Совет народных депутатов. В решении о его создании был особо подчеркнут его статус как высшего органа власти в стране. Его Председатель формально становился главой государства, и на этот пост был избран М.С. Горбачев.

Не остался в стороне от возникшего и бурно развивавшегося гражданского общества и ученый мир. В академических институтах Москвы (и насколько я знаю, в других городах тоже) общественная жизнь была ключом. На собраниях коллективов обсуждались ситуация в стране и пути дальнейшей демократизации. Проходили они и в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР). Наш отдел и соседствовавший с нами отдел научного коммунизма, которым руководил ученый-китаист и прекрасный организатор Яков Михайлович Бергер¹ (Светлая память ему!), были зачинщиками таких собраний в ИНИОН.

Академические институты и другие научно-исследовательские центры, а также университеты активно участвовали в предвыборной кампании по выборам Совета народных депутатов в 1989 г., выдвигая в его состав ученых с демократическими убеждениями. И добились больших успехов в этом. Я был свидетелем этих усилий и сам участвовал в них.

В марте–апреле 1989 г. прошли первые выборы Совета народных депутатов, причем на основе новой избирательной системы. Вместо единого и безальтернативного списка кандидатов, выдвинутого «Блоком коммунистов и беспартийных», теперь стало возможным выдвигать в каждом округе нескольких кандидатов. В моей памяти выборы остались не только из-за того, что это было, пожалуй, самое важное

---

¹ Бергер Яков Михайлович (1929–2016 гг.) – кандидат географических наук, доктор исторических наук, один из ведущих специалистов по истории Китая второй половины XX в.

событие в том году, но и потому, что я оказался причастным к нему. Выборы проводились по необычным правилам: более чем 40 организациям, начиная с КПСС и ВЛКСМ, профсоюзов и Совета колхозов, союзов журналистов и писателей и кончая Обществом борьбы за трезвость, были установлены квоты на количество их депутатов в Совете.

Академии наук СССР было выделено 25 мест, и за их персональный состав развернулась острая борьба. На первом этапе Президиум Академии предложил научным коллективам прислать списки кандидатов. Одновременно он разослал свой список 25 кандидатов – в основном вице-президентов и членов Президиума АН СССР, нескольких президентов республиканских Академий наук и нескольких академиков. Отозвались более 60 институтов, приславших, в сумме, имена 130 кандидатов. 18 января 1989 г. состоялось расширенное заседание Президиума, обсудившего все кандидатуры и отобравшего голосованием 23-х кандидатов. Но среди них не оказалось таких известных ученых, общественных деятелей и публицистов, как Д.С. Лихачев, Г.Х. Попов, Н.П. Шмелев, Ю.Ф. Карякин, и особенное возмущение вызвало то, что «за чертой» остался А.Д. Сахаров, которого выдвинули около 60 институтов.

Вскоре после этого заседания группа институтов, расположенных в разных регионах страны, создала межинститутскую координационную инициативную группу «За демократические выборы от АН СССР», которая возглавила борьбу за включение в состав кандидатов в народные депутаты известных ученых и общественных деятелей, активно участвующих в демократическом движении. Одним из ее организаторов и руководителей был известный ученый-социолог, активнейший участник демократического движения в стране Леонид Абрамович Гордон, мой ближайший друг со времен совместной учебы на истфаке МГУ. В один из февральских дней он позвонил мне и спросил, не могу ли я помочь ему провести заседание его группы в ИНИОН. Дело было в том, что пропускная система в академических институтах была достаточно жесткой, и привести 25–30 человек из разных институтов, непонятно с какой целью, было невозможно. А в ИНИОН система допуска была намного мягче, потому что он был не только центром научной информации, но и одной из крупнейших научных библиотек в стране и в мире. Я пошел к моему куратору, заместителю директора ИНИОН Липариту Сергеевичу Кюзаджану, человеку с демократическими убеждениями, объяснил ему ситуацию, и он дал разрешение на проведение научной конференции в малом зале ИНИОН. Там и провел свое заседание Леонид Гордон.

А 21 марта состоялось общее собрание Академии наук СССР, в котором впервые участвовали избранные представители институтов. Среди их был и я. Меня избрали на общем собрании коллектива ИНИОН в феврале. Голосование было тайным, я получил около 75% голосов, директор института академик Владимир Алексеевич Виноградов – чуть больше 25%. В мартовской сессии участвовало 724 члена Академии и 554 делегата от институтов. В результате голосования было избрано депутатами только 8 кандидатов. Судьбу оставшихся 12 мест должны были решить повторные выборы. В последний день сессии, 22 марта, участники собрания

выдвинули 142 кандидатуры. Была сформирована новая избирательная комиссия во главе с академиком А.А. Гончаром. Руководствуясь решением мартовской сессии, она разослала запросы в академические институты с просьбой провести собрания и определить, кого из выдвинутых на этой сессии кандидатов поддерживает общественность. В результате опроса был составлен рейтинг, верхние строчки которого заняли А.Д. Сахаров, Р.З. Сагдеев, Н.П. Шмелев и Ю.Ф. Карякин. В начале апреля президиум АН СССР выдвинул 28 кандидатов – 12 из списка с наивысшим рейтингом, 8 кандидатов, забаллотированных в марте, плюс еще 4 по своей инициативе (в том числе Г.А. Арбатова, не прошедшего от Советского комитета защиты мира, и В.К. Шумного, не прошедшего от Союза научных и инженерных обществ). Четверо из выдвинутых сняли свои кандидатуры. Таким образом, на 12 мандатов претендовало 24 кандидата.

Второе общее собрание АН СССР состоялось 20 апреля. Из 900 членов Академии в голосовании участвовало 668, из 446 представителей научных институтов – 433. Больше половины голосов набрали 13 кандидатов; последний по числу полученных голосов остался «за чертой». В дюжину отобранных кандидатов вошли две группы: представители академического мира – академики Г.А. Арбатов, В.Л. Гинзбург, Р.З. Сагдеев и А.Д. Сахаров, члены-корреспонденты С.С. Аверинцев, П.Г. Бунич и Н.Я. Петраков; люди, известные и завоевавшие авторитет своей гражданской позицией и публицистикой – В.В. Иванов, Ю.Ф. Карякин, Г.С. Лисичкин, Н.П. Шмелев, А.М. Яковлев. Проголосовали почти за всех без обсуждения, но подошла очередь Арбатова. В той части зала, где сидели физики и математики, встал человек и напомнил, что академик Арбатов был в фаворе у советских вождей, сам был членом Центрального комитета КПСС, и ему не место в Совете народных депутатов. Я поднял руку и попросил слова. В зале раздался небольшой шумок, я переждал, а затем сказал, что не буду произносить общих фраз, а приведу два факта из деятельности Георгия Аркадьевича Арбатова. В 1955 г. 11 выдающихся ученых, в том числе А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассел, основали Международную научную организацию в области проблем разоружения, контроля над вооружениями, ядерного нераспространения, международной безопасности и научного сотрудничества, названную, по месту их встречи, Пагуошским движением. Участвовать в нем приглашались в личном качестве ученые и вышедшие в отставку государственные деятели, исходя из трех критериев – компетентности, авторитета и доверия. Из советских ученых участвовать в нем был приглашен только основатель и директор Института США и Канады Георгий Аркадьевич Арбатов. Та же история повторилась в 1980 г., когда выдающийся шведский политический деятель Олаф Пальме основал Независимую комиссию по разоружению и безопасности – «Комиссию Пальме». Формировалась она по тому же принципу и тем же критериям, что и Пагуошское движение. И вновь из советских ученых был приглашен только Арбатов. «У меня нет сомнений в том, – закончил я, – что знания и опыт академика Арбатова принесут пользу Совету народных депутатов». В итоге Арбатов получил необходимое большинство голосов.

В результате выборов в Совет была избрана большая группа активных участников демократического движения, фактически его лидеров, и на первой же сессии они создали Межрегиональную группу депутатов, в которую вошли 388 человек. Ее возглавили пять сопредседателей – Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов, В.А. Пальм, А.Д. Сахаров. Первая сессия Совета транслировалась по Первому телеканалу.

Между тем, начатый «сверху» процесс демократизации получил поддержку «снизу». 19 марта 1989 г. в Москве состоялся первый массовый несанкционированный митинг, в котором, по разным данным, участвовало 15–20 тыс. человек. За ним последовали другие. В первом митинге я не участвовал, с какого начал – не помню, но в них намного раньше меня начали участвовать оба моих сына – Дима и Кирилл. Надо обладать незаурядным литературным талантом, чтобы передать читателю то душевное состояние, которое у меня и моих друзей возникало каждый раз, когда мы шли в колонне по улицам и площадям столицы или стояли на Манежной, слушая выступления ораторов, вещавших с балкона гостиницы «Москва». Это было впервые обретенное чувство свободы и солидарности.

4 февраля 1990 г. в Москве состоялась крупнейшая демонстрация. Два часа шествия от нынешнего ЦДХ¹ через Крымский мост по Садовому кольцу через площадь Маяковского (ныне Триумфальная), 7 км пути, и еще два часа митинга на площади 50-летия Октября (ныне Манежная). Более 300 тыс. человек, по данным милиции, более полумиллиона – по данным организаторов, внимательно слушали ораторов, выступавших с балкона гостиницы «Москва» – Бориса Ельцина, Юрия Афанасьева, Глеба Якунина, Евгения Евтушенко... Лозунги: демократизация, новая избирательная система, принятие демократического закона о печати, заключение нового Союзного договора, а главное – отмена 6-й статьи Конституции, закреплявшей монополию КПСС на управление страной.

На следующий же день, 5 февраля 1990 г., Горбачев заявил, что необходимо ввести пост Президента СССР с одновременной отменой ст. 6 Конституции СССР. 15 марта 1990 г. на очередной сессии Совета народных депутатов он был избран Президентом СССР.

В 1990 г. состоялись выборы и в Совет народных депутатов РСФСР. Я упомянул об этом событии, потому что в состав Совета были избраны два моих друга – Владимир Лукин² и Виктор Шейнис³. Перед выборами Лукин и мне предложил выдвинуть себя в одном из округов, но я сказал, что и так активно участвую в общественной

---

¹ ЦДХ – Центральный дом художника.

² Лукин Владимир Петрович (род. 1937 г.) – доктор исторических наук, посол России в США (1992–1994 гг.), уполномоченный по правам человека в России (2004–2014 гг.), сенатор Российской Федерации (2016–2021 гг.).

³ Шейнис Виктор Леонидович (род. 1931 г.) – доктор экономических наук, советский и российский политический деятель, народный депутат РСФСР в 1990–1993 гг., депутат Государственной думы России в 1994–1999 гг. Член Федерального политического комитета партии «Яблоко».

жизни, но менять науку на политику не хочу. С Владимиром мы в 1960-е гг. работали в ИМЭМО, тогда и подружились. Вскоре он уехал в Прагу, где работал в редакции чехословацкого марксистского журнала «Проблемы мира и социализма». 21 августа 1968 г. выступил с протестом против вторжения наших войск в Чехословакию. Был немедленно отправлен в Москву, но здесь его выручил академик и влиятельный человек Георгий Аркадьевич Арбатов, пригласивший Лукина работать в возглавляемый им Институт США и Канады АН СССР. Накануне избрания в Совет народных депутатов РСФСР Лукин работал в МИД СССР, а избран был как член блока «Демократическая Россия».

С Виктором Шейнисом я познакомился в 1977 г., когда он был приглашен работать в качестве старшего научного сотрудника в ИМЭМО и переехал из Ленинграда в Москву. В 1957 г. он, аспирант Института востоковедения АН СССР, написал статью «Правда о Венгрии», в которой рассказал, как советские войска подавляли в 1956 г. в Будапеште восстание венгров против террористического режима, под стать сталинскому, установленного в стране главой компартии Матяшем Ракоши. Шейнис был исключен из комсомола, отчислен из аспирантуры и шесть лет проработал расточником¹ на Кировском (бывшем Путиловском) заводе. В 1964 г. Виктор поступил в аспирантуру на кафедру экономики современного капитализма Ленинградского государственного университета и защитил кандидатскую диссертацию. В середине 1970-х гг. он работал уже в должности с.н.с. в одном из институтов АН СССР в «северной столице». В Совете народных депутатов он занялся новым для себя делом — переработкой на демократический лад законодательства РСФСР. Виктор Леонидович, вероятно, и не подозревал, что эта сфера деятельности на какое-то время станет для него основной и он будет одним из главных разработчиков новой Конституции России, принятой в декабре 1993 г.

К сожалению, процесс демократизации страны не был подкреплён конструктивной экономической политикой — напротив, она была провальной. К концу 1980-х гг. серьёзная нехватка основных продуктов питания (таких как мясо и сахар) вынудила ввести систему распределения военного времени с использованием карточек на продукты питания, которые ограничивали каждого гражданина фиксированным количеством продукта в месяц. Когда Горбачев стал Президентом СССР, дефицит государственного бюджета вырос до 109 млрд руб., золотовалютные фонды сократились с 2 тыс. до 200 т, а внешний долг вырос до 120 млрд долл. На его судьбе это скажется позже. Когда после провала путча ГКЧП в августе 1991 г. Президент вернется в Москву, среди населения он поддержки не найдет. Трёхдневная драма путча была самым сильным для меня потрясением за все эти годы, о которых я рассказываю².

---

¹ Расточник — это рабочий, работающий на расточном станке, предназначенном для обработки деталей (обтачивание, сверление, нарезание резьбы, подрезка торцов и т.д.).

² Эта часть воспоминаний Юрия Антоновича Борко была опубликована в нашем журнале в 2017 г. (см.: Борко Ю.А. Три дня в августе 1991 года // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 1. С. 210–224).

25 декабря 1991 г. М.С. Горбачев подписал заявление, в котором он сообщил о снятии с себя полномочий Президента СССР. Закончилась очень короткая, без малого семь лет, деятельность Горбачева на посту главы огромного государства. Он хотел коренным образом реформировать Советский Союз, а в итоге его похоронил. Выходит, он потерпел поражение? Но ведь Россия не вернулась к советским временам, к диктатуре КПСС. Проведенные Горбачевым демократические реформы сохранились. А сам он остался не у дел. Не первый и не последний реформатор с такой судьбой.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОРБАЧЕВА

Внешнеполитическая деятельность Горбачева волновала меня неизмеримо меньше, чем его внутренняя политика. Она не затрагивала нашу повседневную жизнь и, самое важное, не давала повода для ее резкой критики. Одной из первых его акций в 1985 г., когда он возглавил КПСС, было установление контактов с Европейским сообществом, которое раньше Москвой упорно не признавалось, хотя в нем было уже 15 государств, в том числе ведущие европейские государства – Великобритания, Германия, Италия и Франция. Теперь Москва и Брюссель установили официальные отношения и вступили в переговоры, которые завершились в конце 1989 г. подписанием Соглашения об экономическом сотрудничестве между СССР и Европейскими сообществами. Самым важным в нем было предоставление друг другу статуса наибольшего благоприятствования во взаимной торговле. Стороны снижали ставки таможенных пошлин в два–четыре раза по сравнению с государствами, не имеющими такого статуса. Не так уж много, но первый шаг в налаживании экономического сотрудничества был сделан.

Главные усилия Горбачева были направлены на включение Советского Союза в систему международного политического сотрудничества. Он установил тесные контакты с британским премьер-министром Маргарет Тэтчер (которая, встретившись с ним одной из первых, сказала, что ей нравится господин Горбачев и с ним можно иметь дело), с канцлером ФРГ Гельмутом Колем и другими лидерами западных и развивающихся стран.

Особое место в его внешнеполитических контактах заняли встречи и переговоры с президентом США Рональдом Рейганом. 11 октября 1986 г. они впервые встретились в Рейкьявике (Исландия), чтобы обсудить вопрос о сокращении размещенных в Европе ракет средней дальности. К огромному удивлению их советников, они согласились установить потолок для этого класса ракет в размере 100 боеголовок. Всего с 1986 по 1991 г. они встречались четыре раза, в том числе в Вашингтоне и Москве, и подписали три важнейших договора в области ракетно-ядерного оружия: «О моратории на испытание ядерного оружия», «О ликвидации ракет средней и меньшей дальности» и «О сокращении стратегических наступательных вооружений (ОСНВ-1).

В феврале 1988 г. М. Горбачев объявил о выводе войск из Афганистана. Операция была завершена в следующем году. По оценкам, в период с 1979 по 1989 г. в результате конфликта было убито 15 тыс. граждан СССР.

В том же 1988 г. М. Горбачев принял самое радикальное решение в своей внешней политике, заявив, что Советский Союз отказывается от «доктрины Брежнева». Принятая летом 1968 г., она декларировала, что социалистические страны могут использовать все средства, если в любой из них под угрозой окажется социализм. Фактически Советский Союз установил абсолютный контроль в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) в конце 1940-х гг. В странах ЦВЕ были установлены коммунистические режимы и построен социализм советского образца. Когда в 1956 г. в Венгрии вспыхнуло восстание против террористического режима, установленного ярым «сталинистом» Матьяшем Ракоши, оно было подавлено введенными в Будапешт советскими войсками.

Принятие «доктрины Брежнева» летом 1968 г. было делом не случайным. Несколько раньше, в январе, было избрано новое руководство компартии Чехословакии во главе с Александром Дубчеком, которое сразу же объявило, что будет проводить реформу с целью преобразовать социалистическую систему в стране в социализм с «человеческим лицом». От какого социализма они хотят избавиться, не уточнялось, но это, как говорил один из моих друзей, и «ежу было ясно». Тем более — советскому руководству. Вскоре между Москвой и Прагой начались переговоры, все более интенсивные и напряженные. Я и мои давние друзья со времен истфака МГУ и ИМЭМО с воодушевлением восприняли пражские реформы и с возрастающей тревогой — переговоры между советским и чешским руководством. Обсуждать ситуацию по телефону было нельзя, и мы в эти месяцы часто собирались на дому. Переговоры между Москвой и Прагой явно заходили в тупик. В начале августа в Москву прилетел один из членов Пражского руководства Франтишек Кригель, а с ним, в качестве советника, Михал Рейман. Вечером мы встретились с ним. Он сказал, что приезд не дал результата, и больше встреч не будет. К границам Чехословакии движутся войска — советские, а также польские, венгерские, ГДР-овские и болгарские. 21 августа они пересекли границу, и советские танки подавили «Пражскую весну». Таков был трагический результат применения «доктрины Брежнева». К счастью, больше к ней советское руководство не прибегало.

Возвращаясь к концу 1980-х гг., следует еще раз подчеркнуть, что отказ от «доктрины Брежнева» и предоставление странам ЦВЕ права определять свою внутреннюю политику было одной из важнейших внешнеполитических реформ Москвы. В 1989 г. в этих странах произошли демократические революции, покончившие с коммунистическими режимами, причем везде, за исключением Румынии, они были мирными. 15 октября 1990 г. Президент СССР Михаил Горбачев был награжден Нобелевской премией мира.

О целях, которыми он руководствовался, говорит его выступление 7 декабря 1988 г. перед Генеральной ассамблеей ООН. В нем Горбачев сформулировал концепцию

«Нового политического мышления», суть которой состоит в том, что всем государствам, независимо от их общественного строя и идеологии, следует объединиться в целях построения сообщества государств на основе общечеловеческих ценностей. «Свобода выбора, – подчеркнул он, – всеобщий принцип и не должен знать исключений. К выводу о непреложности этого принципа мы пришли не просто из добрых побуждений. К нему нас привел и беспристрастный анализ объективных процессов нашего времени. Все более ощутимым их признаком становится растущая многовариантность общественного развития разных стран. Это касается и капиталистической, и социалистической систем. Об этом же говорит и разнообразие общественно-политических структур, выросших в последние десятилетия из национально-освободительных движений. А этот объективный факт предполагает уважение к взглядам и позициям других, терпимость, готовность воспринимать иное не обязательно как плохое или враждебное, способность учиться жить бок о бок, оставаясь разными и не во всем согласными друг с другом».

Итоги внешнеполитической деятельности Горбачева следует оценить как бесспорно позитивные и очень существенные. В 1980-е гг. именно он внес наибольший вклад в разрядку международной напряженности и завершение Холодной войны. Последняя точка в ней была поставлена еще до распада СССР.

Завершая воспоминания, я хочу повторить ту общую оценку его деятельности, которая изложена в начале текста: «М.С. Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС 11 марта 1985 г. и сложил с себя полномочия Президента распавшегося Советского Союза 25 декабря 1991 г., то есть руководил страной менее семи лет. Этого времени ему хватило, чтобы повернуть ход истории нашей страны и в немалой мере поспособствовать крутым переменам в развитии мировой истории. Этим и определяется масштаб его личности». Ему удалось сделать далеко не все, что он задумал. Но какому реформатору удалось сделать все, что он замыслил?

Такова позиция автора этих строк. Однако так думают далеко не все. Многие россияне считают его главным виновником распада Советского Союза, а точнее – распада России, расширявшей свою территорию на Восток в течение нескольких веков и достигшей максимального масштаба к 1917 г. Споры о роли Горбачева в истории нашей страны начались сразу же после его отставки и периодически возобновлялись. Продолжаются они и поныне.

М.С. ГОРБАЧЕВ ВБЛИЗИ

Познакомился я с Михаилом Сергеевичем Горбачевым в «Горбачев-Фонде» – международной общественной (НПО) организации, учрежденной им в 1992 г. с целью социально-экономических и политологических исследований. Я принимал участие в конференциях Фонда, с большим любопытством присматривался к Михаилу Сергеевичу, и он мне понравился. Держался очень естественно, ни малейшего намека на свое прошлое, стремления поучать. Хвалил то, что ему нравилось, а если

не соглашался, то отстаивал свою точку зрения очень упорно. Он, как мне казалось, тоже присматривался к нам с интересом. Конечно, с учеными он много раз встречался и в пору своей государственной деятельности, но это были деловые встречи, большей частью по его инициативе. А здесь он встречался с рядовыми учеными, мы сидели за одним столом, и разговор шел на равных. Дважды я выступал с докладами. В 2002 г. — о 10-летию Маастрихтского договора, реорганизовавшего Европейские сообщества в Европейский Союз. Доклад этот Фонд опубликовал отдельной брошюрой. Темой второго доклада, где-то в середине 2000-х гг., был вопрос о том, может ли опыт европейской интеграции быть использован в целях интеграции Содружества Независимых Государств (СНГ). Я ответил отрицательно и обстоятельно изложил свои аргументы. Горбачев со мной не согласился, и мы вступили в долгую полемику. Текст нашего спора долго хранился у меня в «компе», но при очередной его чистке исчез. Не могу объяснить почему, но я перестал участвовать в конференциях Фонда как минимум десяток лет назад. Скорее всего, из-за возраста.

Статья принята к публикации 30.11.2021